№ 17 СЕНТЯБРЬ МОСКВА 1940 • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“ • ГОД ИЗДАНИЯ XIX • ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП.

КРОКОДИЛ

И СКУЧНО, И ГРУСТНО...

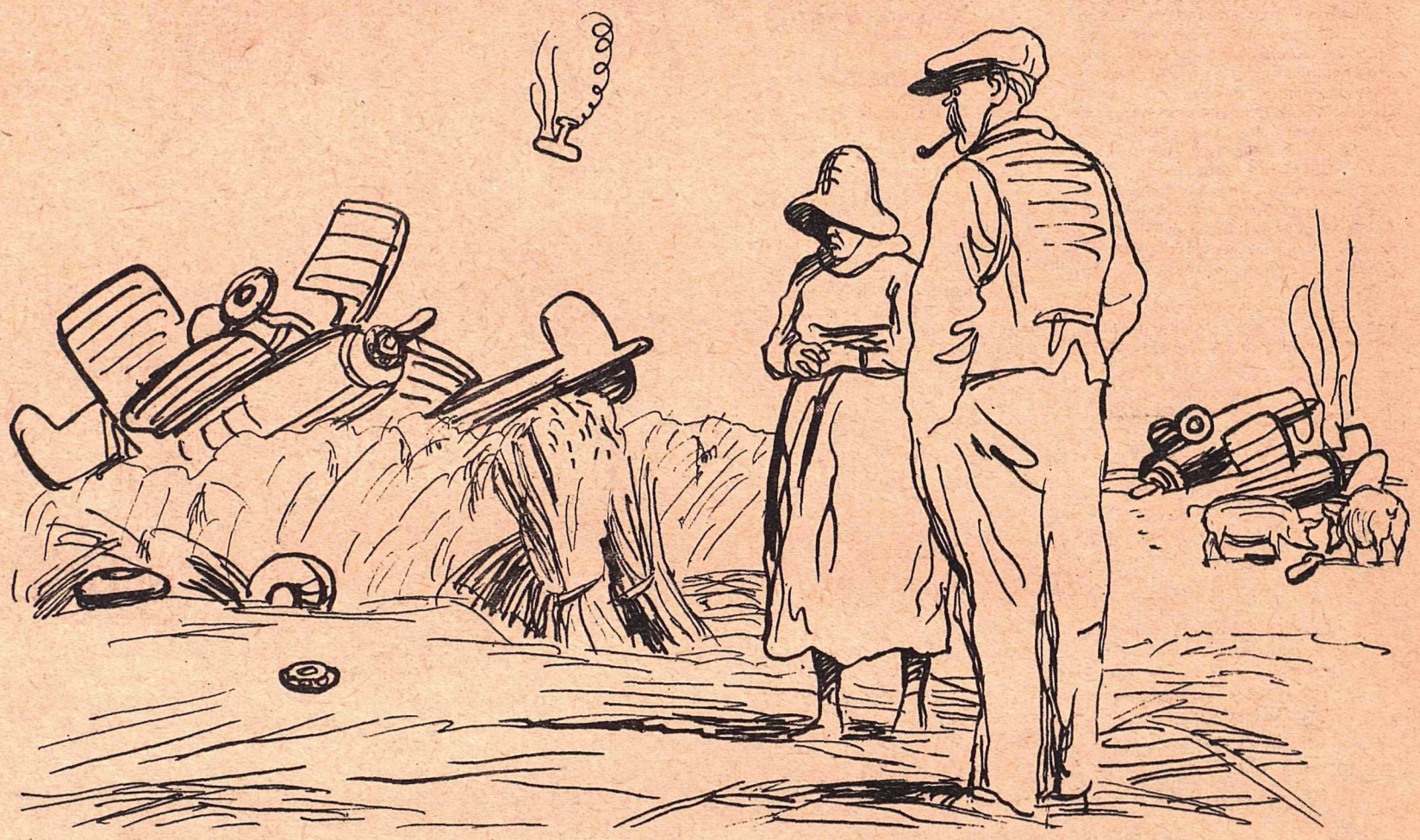
— Ни ругнуться, ни по морде с'ездить! Прямо из дому выходить не стоит!

Рис. Ю. Ганфа

К 556/41г

НА ПОЛЯХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рис. Л. Бродаты



— Сколько машин, а уборка сорвана!

Один из некоторых

НАЧАЛ я так:

— Ваш завод в последнем квартале прекрасно справился с выполнением плана.

Мой собеседник, секретарь партийного комитета завода «Деталь» товарищ Сергунов, скромно опустил глаза и грустно вздохнул.

— Да,— сказал он.— Неплохо поработали. Но знаете ли, сколько мне это стоило сил и здоровья! Победа далась нелегко. Как говорится, не с неба свалилась. Вот вы говорите: «Завод прекрасно справился». А почему? Откровенно вам скажу: я, как секретарь, сумел широко развернуть политико-массовую работу. Вот в чем вся сила!

— Что правда, то правда,— продолжал я.— Одно лишь плохо: брак на заводе еще очень высок.

— Совершенно верно. Директор наш Иван Егорыч — хороший работник. Ничего дурного про него сказать не могу. Но вот по линии брака зевает. Ох, как зевает! Большое недопонимание у него в этом смысле. Вот в чем вся сила!

— Хотя надо отметить, что за последнюю неделю брак резко пошел вниз.

— А вы думаете, что я сижу сложа руки? Я провел семь митингов и шесть собраний. На сегодняшний день охвачено ориентировочно около 96,4 процента наличного состава рабочей силы. Вот в чем вся сила!

— Но, между прочим, товарищ Сергунов, в начале новой недели, в понедельник, опять повысился брак по шестеренкам.

— Я и говорю насчет Ивана Егорыча, нашего директора. Крепкий работник, ничего не скажешь. Но по линии шестеренок проявляет большую безрукость. Вот в чем вся сила!

— Между тем новые болты ваш завод освоил неплохо. Вас даже в какой-то газете хвалили.

— Еще бы не хвалили! Я по линии болтов провел в цехах большую раз'яснительную работу. Можно сказать, поставил вопрос во всей широте. Вот в чем вся сила!

— Говорят, у вас в котельной днях произошла авария. Как это случилось?

— Да очень просто. Вернусь опять к Ивану Егорычу, нашему директору. Парень он стойкий, понимающий. Я его, можно сказать, ценю и уважаю. Но порой страдает он близорукостью. Ну и, конечно, проглядел. Вот в чем вся сила!

— Виноват, товарищ Сергунов, я маленько спутал. Авария в котельной действительно произошла, но не на вашем заводе, а на соседнем.

— Вот как! То-то думаю и удивляюсь: откуда у нас на заводе авария? Не может того быть. На котельную я мобилизовал все свое внимание, расставил силы, провел целый ряд массовых мероприятий. И теперь котельная работает как часы. Вот в чем вся сила!

— Да, да! Прошу извинения, товарищ Сергунов. Я действительно ошибся. В котельной у вас все благополучно. Это в кузнице произошла авария.

— Насчет кузницы ничего возразить не могу. Ох, когда-нибудь и влетит Ивану Егорычу, нашему директору. Деловой он человек, хозяйственный, против этого никто спорить не будет. Но по линии кузницы у него недооценка. Вот в чем вся сила!

— А как у вас насчет пожаров? Тихо?

— О таких ненормальных происшествиях и речи быть не может. Я лично прикреплен к пожарной охране и провожу там два раза в месяц беседы по международному положению. Вот в чем вся сила!

— Погодка сегодня хорошая, только вот ветер...

— Совершенно верно насчет ветра. А Иван Егорыч, наш директор, хотя как хозяйственник стоит на высоте, но...

Беседа наша продолжалась еще час.

Г. РЫКЛИН

Скука

Кое-каким „снабсбытам" посвящается

Преодолев трамваем расстоянье,
Они явились все до одного!
Вобрало всех вместительное зданье,
За дверью не оставив никого.

Портфели, справки, склоки и карьеры—
Все вынырнуло вмиг из темноты.
Захлопотали бойкие курьеры,
Экономисты заняли посты.

Вчерашние разложены бумаги,
Раскрыты папки, отперты столы,
Чернильные откупорены фляги,
И зонтики поставлены в углы.

И грянул цокот пишущих машинок!
Прошел замзав в фанерное купе,
И на столе среди следов мышиных
Качалкой закачалось пресс-папье.

Кипит работа! Пишутся доклады,
Кого-то распекает управдел.
И рой запросов в тресты и на склады
По мановенью зава полетел.

Так что ж, поэт? Сверни свои тетрадки,
Спрячь карандаш — сатире пищи нет:
Здесь все благополучно, все в порядке —
От протоколов до несметных смет.

Сидят здесь люди чинно, благолепно,
Зарплата в срок, и совесть их светла,
И было бы совсем великолепно,
Когда б... полезны были их дела.

Ал. РОХОВИЧ

Неравная борьба

Ежедневно с утра, прежде чем начать работу, старший бухгалтер Ногинского мясокомбината Добросконский, грустно подперев подбородок, предавался тяжким размышлениям. Дело в том, что в Добросконском, находясь в постоянной борьбе, жили два человека. Один — бухгалтер (по профессии), а другой — алкоголик (по призванию). Нетрудно догадаться, что в этой неравной борьбе верх почти всегда одерживал Добросконский № 2. А Добросконский № 1, лежа на обеих лопатках, мучился и терзался, предчувствуя, что нет конца борьбе.

И вот в результате этих терзаний из-под пера Добросконского излилось следующее признание:

«Директору Ногинского мясокомбината
Старшего бухгалтера Добросконского

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим прошу освободить меня от занимаемой должности за систематическую пьянку.

Добросконский».

Камень, и тот размяк бы, читая эти лирические строки.

Но сердца людей из Ногинского мясокомбината оказались тверже камня. Они не размякли. Наоборот, обратились к прокурору.

Доска приказов

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 132

от 29 июля 1940 г.
По Службе Контактной сети Треста Мосэлектротранс

Монтер бригадир 1-го р-на тов. Свиридов К. Е. 22/VII с. г. в свободное от работы время учинил скандал пом. монтеру Боровских нанес ему ряд незаслуженных оскорблений.

За нарушение тишины в районе тов. Свиридову К. Е. об'явить строгий выговор с предупреждением.

Начальник службы Контактной сети Куликов.

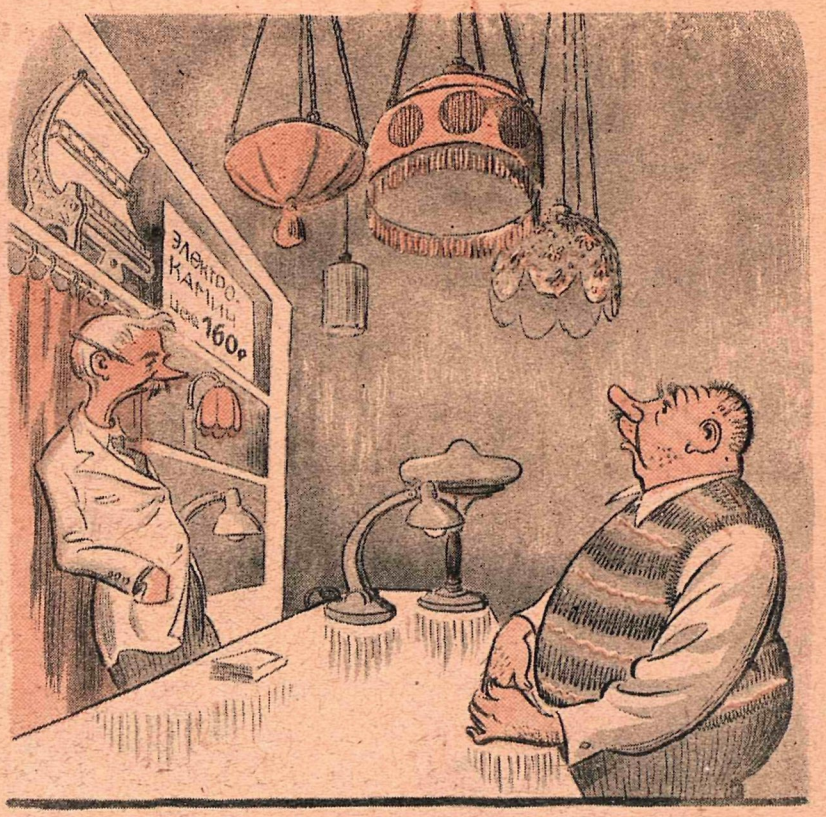
РАСПОРЯЖЕНИЕ № 65

от 1 июля 1940 г.
по заводу им. Буденного, г. Новочеркасск

Счетоводу-расчетчику тов. Садовой М. М. за хулиганские поступки, выразившиеся в том, что тов. Садовая при выполнении служебных обязанностей плюнула в лицо зам. старшего бухгалтера об'являю строгий выговор с предупреждением об увольнении.

Начальник цеха П. Травин.

Рис. бр. Абрамовых



Ты стоишь у камина
И смотришь с тоской...

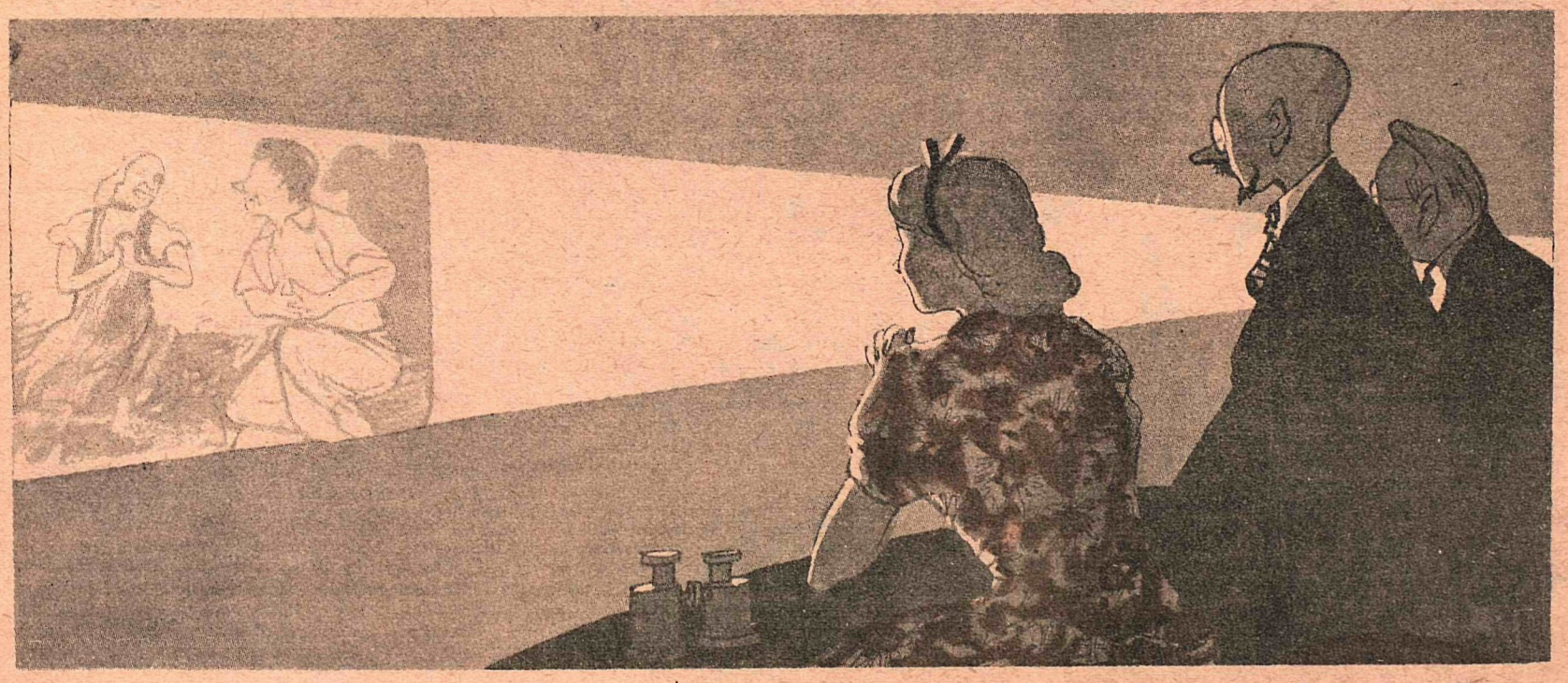
Справка

Мчусь я по улицам,
Рыщу в метро,
Тщетно ищу я
Справок бюро.
Влево и вправо
Упорно хожу,
Будку знакомую
Не нахожу.
Вот эта будка!
Сидит за окном
Дивная девушка
Вся в голубом.
Быстро меняемся
Парою фраз:
«Адрес такого-то?
Можно. Сейчас».
Девушка ищет,
Не может найти.
Крутится,
Вертится...
Как же идти?
Где ж эта улица?
Где ж этот дом?
Что же вы, девушка,
Вся в голубом?

И. РОТШТЕЙН

УПУЩЕНИЕ

Рис. И. Семенова



— Кажется, мы недостаточно проредактировали эту комедию — публика в одном месте все-таки смеется.

Ночное происшествие

ДАВЕЧА иду ночью по улице. Возвращаюсь от знакомых.

Улица пустынная. Душно. Где-то гремит гром.

Иду по улице. Кепочку снял. Ночные зефиры обвивают мою голову.

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а я люблю ночью пошляться по улицам. Очень как-то свободно ходить. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет.

В общем, иду по улице и вдруг слышу какой-то стон. Стон—не стон, а какой-то приглушенный крик или голос

Смотрю по сторонам — нет никого.

Прислушиваюсь — снова какой-то стон раздается.

И вдруг все равно как из-под земли слышу слова: «Родимый, родимый!..»

Что за чепуха?

Смотрю на окна. «Может,— думаю,— разыгралась какая-нибудь домашняя сценка? Мало ли! Может, выпивший муж напал на жену, или, наоборот, та его приканчивает?..»

Смотрю все этажи — нет, ничего не видно.

Вдруг слышу: кто-то по стеклу пальцами тренькает.

Гляжу: магазин. И между двух дверей этого магазина сидит на венском стуле престарелый мужчина. Он, видать, сторож. Караулит магазин.

Подхожу ближе. Спрашиваю:

— Что тебе, батя?

Сторож глухим голосом говорит:

— Родимый, сколько часов?

— Четыре,— говорю.

— Ох,— говорит,— еще два часа сидеть... Не нацедишь ли,— говорит,— мне водички? Отверни крантик у подвала и нацеди в кружечку. А то испить охота. Душно!

Тут он через разбитое верхнее стекло подает мне кружку. И я исполняю его просьбу. Потом спрашиваю:

— А ты что, больной, что не можешь сам нацедить?

Сторож говорит:

— Да я бы и рад нацедить. Немножко бы прошел, промялся. Да выйти отсель не могу: я же закрыт со стороны улицы.

— Кто же тебя закрыл? — спрашиваю.— Ты же сторож. Зачем же тебя закрывать?

Сторож говорит:

— Не знаю. Меня завсегда закрывают. Пугаются, что отойду от магазина и где-нибудь прикурну. А вор тем временем магазин обчистит. А если я сижу между дверей, то хоть я и засну, вор меня не минует. Он наткнется на меня, а я крик подыму. У нас такое правило: всю ночь сидеть между дверей.

Я говорю:

— Дурацкое правило. Обидно же сидеть за закрытой дверью.

Сторож говорит:

— Я обиды не строю. И мне самому вполне удобно, что меня от воров закрывают. Я их как огня боюсь. А когда я от них закрыт, у меня и боязни нету.

— В таком случае,— говорю,— ты, папаша, походил бы по магазину, размял бы свои ноги. А то как чучело сидишь на стуле всю ночь. Противно глядеть.

Он говорит:

— Что ты, родимый! Разве я могу в магазин войти? Я бы и рад туда войти, да та дверь в магазин на два замка закрыта, чтоб я туда не вошел.

— Значит,— говорю,— ты, папаша, сидишь и караулишь между двух закрытых дверей?

Сторож говорит:

— Именно так и есть... А что ты ко мне пристаешь, я не понимаю. Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока.

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена.

Я побрел дальше. И не без любопытства поглядывал теперь на двери других магазинов. Однако ночных сторожей, подобных этому, я не увидел.

Домой я пришел поздно. Долго ворочался в постели. Не мог заснуть. Все время думал: нельзя ли изобрести какой-нибудь электрический прибор, чтоб он затрещал, если кто-нибудь сунется в магазин? А то пихать между двух закрытых дверей живого человека как-то досадно и огорчительно. Все-таки человек — это венец создания. И совать его в щель на роль капкана как-то странно...

Потом я подумал, что, вероятно, такие электрические приборы уже изобретены. Скажем, наступишь ногой на порог — и вдруг гром и треск раздается. Но, вероятно, это еще не освоено, а может, и дорого стоит, или еще что-нибудь — какие-нибудь технические сложности, — раз нанимают для этого живую силу.

Потом мои мысли спутались, и я заснул. И увидел сон, будто ко мне приходит этот ночной сторож и ударяет меня кружкой по затылку. И при этом говорит: «Ну, что ты к сторожам пристаешь! Живем тихо, мирно. Караулим. А ты лезешь со своей амбицией. Портишь нашу карьеру...»

Потом этот сон сменился другим, каким-то легкомысленным, с танцами и пением.

И утром я проснулся в великолепном настроении.

Заслуж. деят. М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

ТОЧНАЯ СПРАВКА

Рис. Г. Валька

— Опять, на ночь глядя, пошли на улицу хулиганить. Когда же они домой вернутся?

— Года через два, не раньше.

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Рис. Л. Генча́

— Санитарный врач бывает на рынке?
— Зачем? У него есть домработница!

Почта

От города до города иду я
Среди хлебов, покосов и лесов.
Иду, как говорится, в ус не дуя
(Я до сих пор не отрастил усов).

Я всем друзьям пишу:
Мой адрес там-то
(Он впереди. Он виден, как во сне),
Такой-то город, здание почтамта,

А ниже —
До востребованья. Мне.

И вот, еще небритый, как неряха,
Я в городе... Я думаю одно:

Что скажет почта?..
С тайным чувством страха
Отыскиваю нужное окно.
На сердце — будто шолковые петли.

В груди — неровный стук и суетня...
«Работник почты! Вот мой паспорт. Нет ли
Чего-нибудь такого для меня?»
А там письмо —

Одно, другое, третье!
И ровный голос: «Получите, вот».

Не успеваю писем просмотреть я,
А тут как тут почтовый перевод.

От друга — шутки частного значенья.
От девушки — печаль и прядь волос.
От батьки — поцелуй и поученье
(А сын давно уж батьку перерос).

И в жизни так хотел бы каждый день я
Шагать до самой дальней полосы,
И счастье знать, и взлеты, и паденья,
И в ус не дуть, крутя свои усы!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

НОВИНКИ ТЕКСТИЛЯ

Рис. В. Медведева (Ростов на Дону)

— Папочка, побрей брюки, а то они очень колются.

Возможны варианты

Рассказ в об'явлениях

ПРИЕЗЖИЙ снимет временно комнату или угол в тихой семье. Центральный почтамт. Востребование П. И. Сказину.

СТУДЕНТ последнего курса готовит в вузы и втузы. Ярославское шоссе, Студенческий городок, П. И. Сказин.

АСПИРАНТ снимет, купит комнату, вступит в пай к застройщику. Возможны варианты. Ярославское шоссе, Студенческий городок. П. И. Сказину.

ДВЕ комнаты в разных районах меняем на две вместе или одну той же площади. Подробности письмом. Проезд МХАТ, 24, кв. 7, Сказину.

КУПЛЮ вело мужской и дамский. Старопименовский, 46, кв. 2, Сказину.

НУЖНА домработница в бездетную семью. Необходимы рекомендации. Старопименовский, 46, кв. 2, Сказину.

КУПЛЮ радиоприемник последних конструкций. Т. Г 1-56-00. Сказин.

КУПЛЮ мото Б. С. А. Г 1-56-00. Сказин.

МЕНЯЕМ две смежных комнаты на две в разных районах. Г 1-56-00. Сказин. Там же продается мото Б. С. А. и вело дамский и мужской.

КУПЛЮ вело мужской и дамский. Улица Чайковского, 6, кв. 117. Сказин.

Собрал **В. БОРАХВОСТОВ**

Еще о золотой рыбке

Жил старик со своею старухой у самого синего моря. Впрочем, море было не сразу, а оно появилось после. Словом, жил старик со старухой и совсем не в ветхой землянке, а в довольно приличной квартире.

Ровно тридцать лет и три года старик ходил на работу, а старуха его пилила и была домашней хозяйкой. Был старик человек неважный. Прямо скажем: любил он выпить. Пил старик под праздник и в праздник. И недавно на этой почве опоздал опять на работу.

Как узнала про то старуха, застонала, запричитала: «Дурачина он, простофиля, что-то будет с ним, непутевым...»

Только в голос она завыла, вдруг приходит старик веселый.

«Что ты воешь, глупая баба, — так сказал он своей старухе, — аль не видишь, что я при месте и домой пришел раньше срока? Слава богу, у нас начальник — что ни скажешь, всему поверит да еще от себя прибавит, от щедрот своих и от ласки. В проходной он мне повстречался, и увел он меня в сторонку: «Что, старик, — говорит, — невесел? Ты, старик, человек нам нужный, мы тобой не хотим бросаться. На, возьми-ка, старче, бумажку, что свободен ты трое суток, со вчерашнего дня считая. Не печалься, ступай себе с богом, согласовано все, что надо...»

Как про это дело узнала, старика старуха забранила:

«Дурачина ты, простофиля, не сумел ты взять свое счастье. Воротись, дурачина, обратно, выпроси не три дня, а десять. Мало ли дел тебе по дому? Хоть купил бы новое корыто. Наше-то совсем распаялось. А еще побелил бы стены и привел бы в порядок хоромы, чтоб жила я не домашней хозяйкой, а, как в сказке, столбовой дворянкой...»

Вот старик отправился снова, да не в семь пришел, а в полвосьмого.

Повстречал его начальник у входа:

«Ну, чего тебе надобно, старче?»

И с поклоном старик отвечает:

«Извините, товарищ начальник, погубила меня моя старуха. Померла вчера без покаянья, только-только успели проститься. Отпустите меня дней на десять: не так часто старуха помирает...»

Отвечает золотой начальник:

«Не печалься, ступай себе с богом, будет тебе отпуск оформлен, да еще и субсидию подкинем».

Воротился старик ко старухе. У старухи новое корыто, но все пуще старуха бранится:

«Дурачина ты, простофиля, не сумел ты взять свое счастье... Воротись, дурачина, обратно да проси не десять дней, а месяц, да еще две путевки в санаторий, где-нибудь на южном побережье».

Вот старик отправился снова, да не в семь пришел, а в полвосьмого.

И опять ответил начальник:

«Не печалься, ступай себе с богом».

Вот как вышло, что целый месяц жил старик со своей старухой у самого синего моря...

На этом, товарищи, сказку о золотом начальнике заканчиваем. Сказка эта записана лично нами с наших же слов. Так что фольклористов просим не беспокоиться. Тем более, что это, пожалуй, даже не сказка. Это, пожалуй, даже быль.

В самом деле, кое-где уже довольно тщательно разработаны «Правила неотложной помощи прогульщику». Тут и липовые увольнительные записки, и подложные бюллетени, и фальшивые командировки, и даже мнимые смерти ближайших родственников, — словом, полный набор отмычек к государственной кассе.

Таким образом, в нашей сказке вымысел покоится на прочной, фактической основе.

Может быть, кто-нибудь сомневается насчет санатория? Не сомневайтесь, товарищи! Не надо!

Есть точные данные. Недавно сотрудник ленинградской артели «Метбытремонт», некто Воронов, совершил прогул, а назавтра дирекция спешно отправила его в санаторий.

Легко представить себе теперь оживленное заседание руководства этой артели совместно с общественными организациями в момент распределения путевок. Это, наверное, у них очень здорово получается.

— Ну-с, — ласково поглядывая вокруг, говорит глава учреждения, — посмотрим табель. Сколько у нас сегодня... этих... кандидатов в санатории?

— Три-с, — услужливо сообщает секретарь, — Николай Васильич первым нумером идут-с. Павел Григорьич — второй, и Софья Николаевна третья будет.

— Так-с, — задумчиво тянет глава. — Николай Васильич, значит... Он у нас вчера того... — тут глава выразительно пощелкивает себя пальцем по горлу, но, спохватившись, сразу отдергивает руку. — Да-с, — продолжает он, — и вообще видик у него неважный. Нервы у него пошаливают. Кстати, никто не знает, как у него с желудком?

— Не думаю, чтобы очень хорошо, — замечает представитель профсоюзной организации.

Помолчав, он добавляет:

— Непохоже, чтобы уж очень хорошо...

— Ну вот, — говорит глава, — его давно надо было в Ессентуки. Еще вчера... Я, кажется, даже что-то такое говорил. Надо оформить приказом...

— Вчерашним числом? — привычно спрашивает секретарь.

— Хотя бы! — небрежно кидает глава. — Идем дальше. Состояние Софьи Николаевны внушает всем нам самые серьезные опасения. Позавчера она чихнула, вчера зевнула, а сегодня, представьте, смогла выйти на работу только к 10 часам. Ей надо помочь... Что же касается Павла Григорьевича, то я просто не знаю, что с ним делается. Я думаю, его надо направить в Новый Петергоф. Там очень хорошо: зелень, питание, фонганы...

— А Софью Николаевну куда же? — спрашивает кто-то. — Разве что в Ялту?

— Зачем же вдруг в Ялту? Она хотела в Сочи...

И Софья Николаевна едет в Сочи. Вчерашним числом.

Ах, как хорошо работать в таком сказочном учреждении, у такого золотого начальства!

Только одно небольшое обстоятельство несколько омрачает эту волнующую идиллию.

Мы имеем в виду конец сказки. Народная мудрость и Уголовный кодекс дружно предсказывают нам единственный возможный вариант.

...Скоро сказка сказывается, а еще скорей дело разбирается. Воротился старик со старухою к своему золотому начальнику, глядь, стоит перед ними скамейка, не простая скамейка, подсудимая...

Обернулся старик ко старухе, а старуха опять причитает:

«Мол, беру я слова обратно, ты проси не шесть месяцев, а месяц, и не месяц проси, а дней десять...»

Только суд старуху не слушает, говорит он золотому начальнику, старику говорит вместе со старухою:

«Раз умели вы закон нарушать, так умейте вы и ответ держать...»

И немедленно выносит им приговор.

И сидят старик и начальник, а пред ними разбитое корыто...

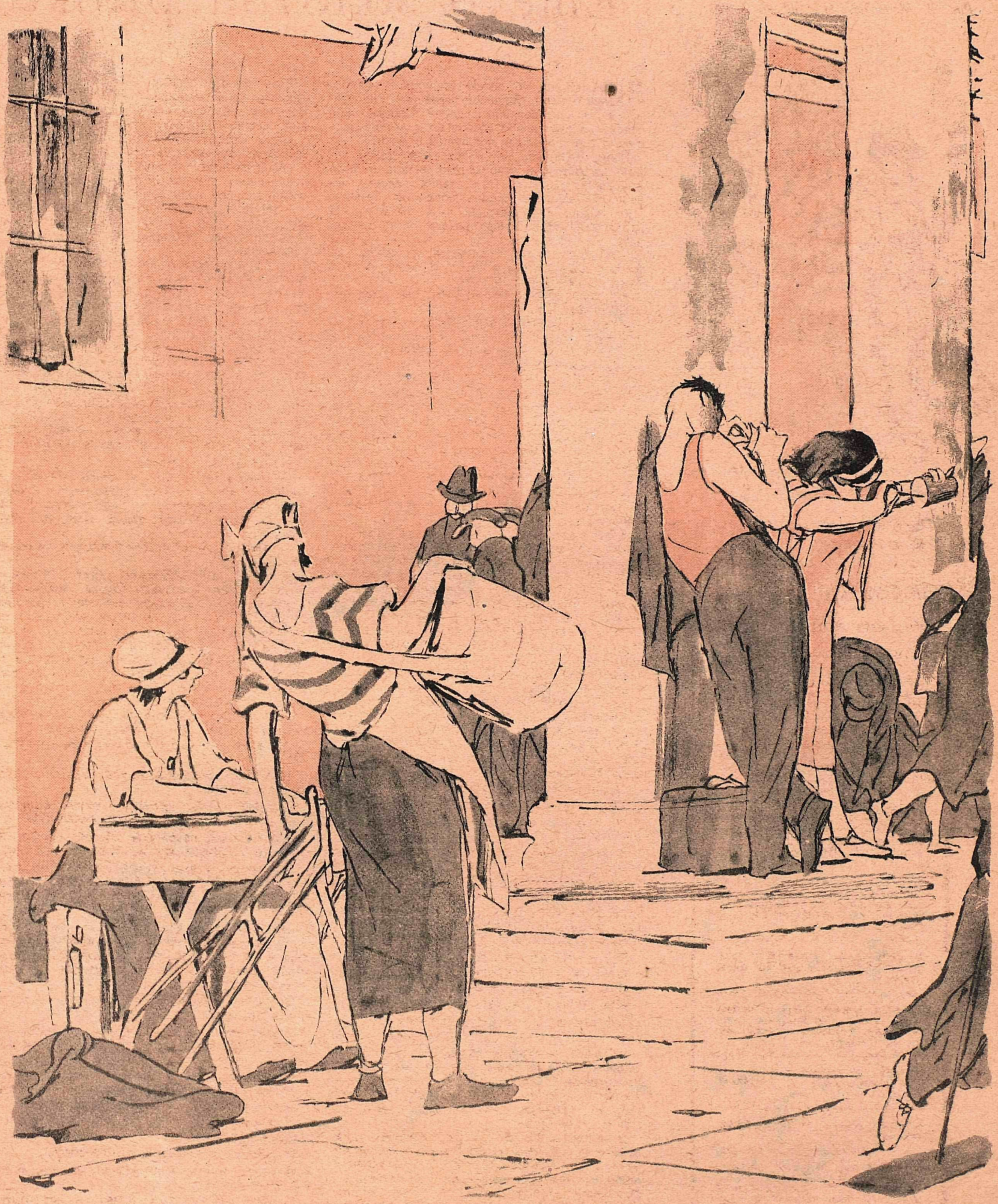
Совершенно ясно, что конец может быть только такой. Знайте же, граждане золотые начальники, что сказка эта, начавшаяся у самого синего моря, всегда кончится для вас у разбитого корыта.

Пушкин все-таки был прав!

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Рис. Л. Сойфертиса

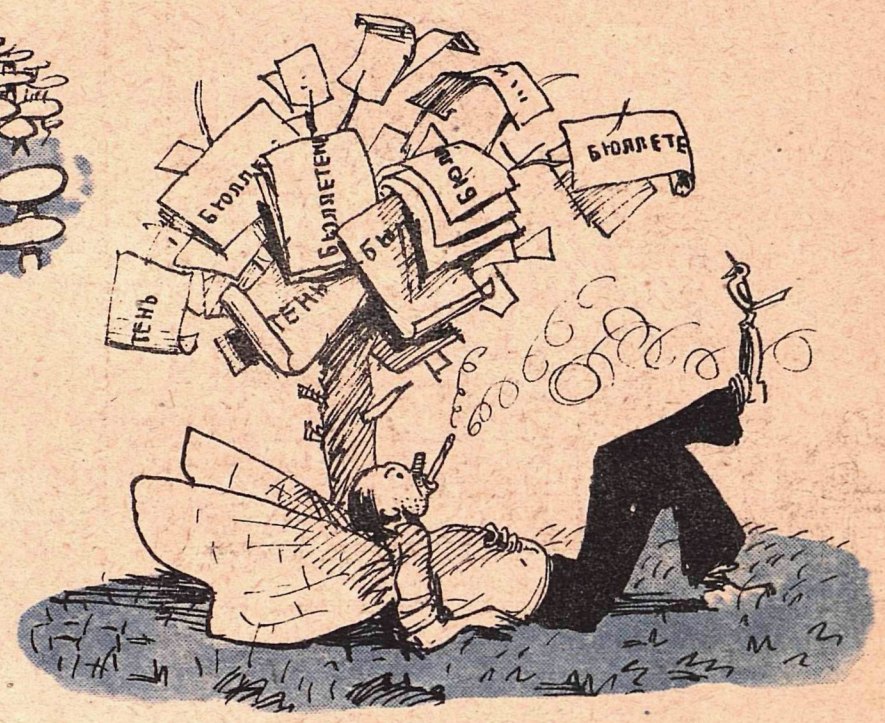


— Эти люди второй год скрывают свой брак.
— Да разве они женаты?
— Нет, он начальник цеха, а она бракеровщица.

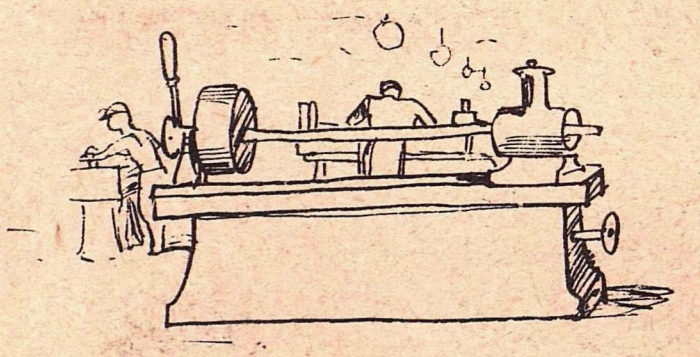
Рис. А. Каневского

К т о в
к т о п о г

— Ух, сколько грибов! Придется еще на пару дней бюллетень продлить!

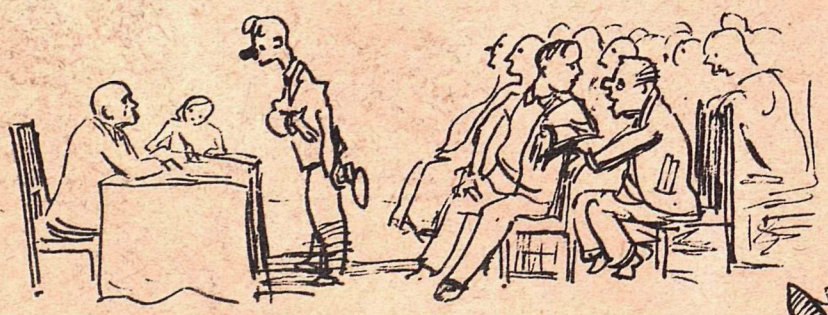


И под каждым ей (ему, им) листком
Был готов и стол и дом.



ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

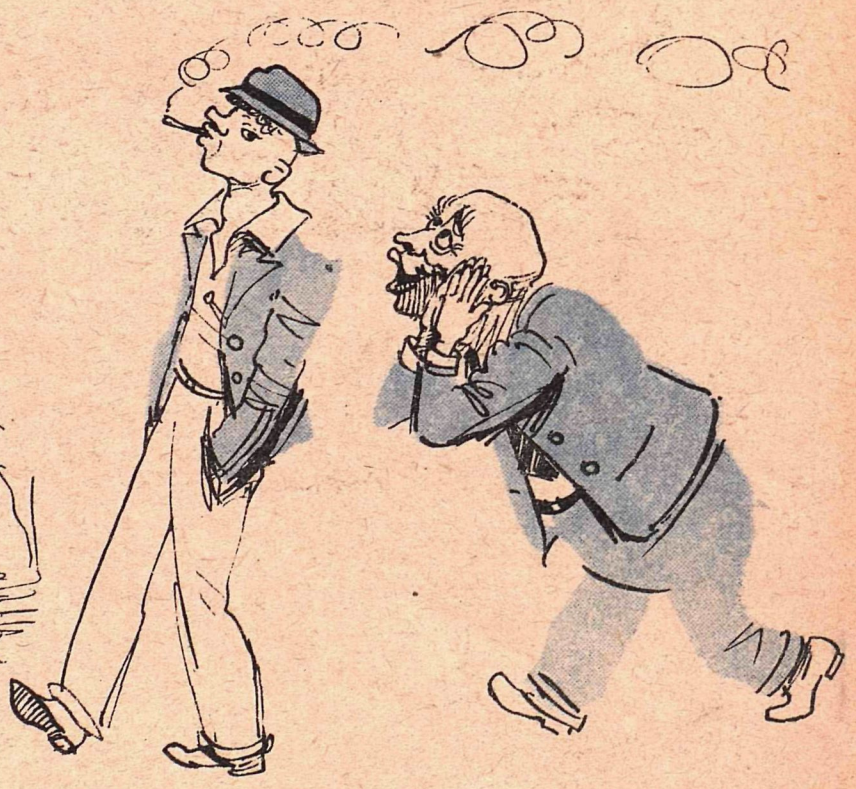
Станок стоит. А что идет?
Идет зарплата прогульщику.



В СУДЕ

— А почему не явился представитель администрации?

— По болезни: у него сердце болит... за прогульщика.

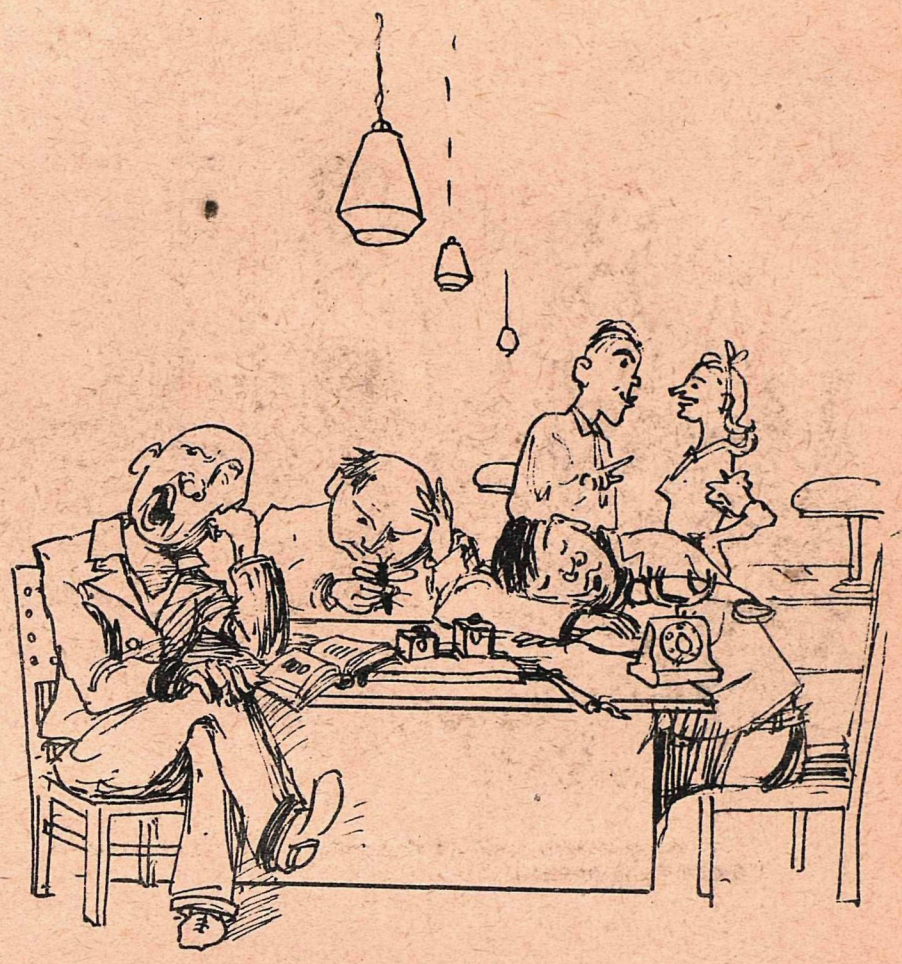


ВЕРНИСЬ, Я ВСЕ ПРОЩУ

— Будьте любезны, сделайте милость, умоляю, вернитесь на работу.

л е с,
р и б ы

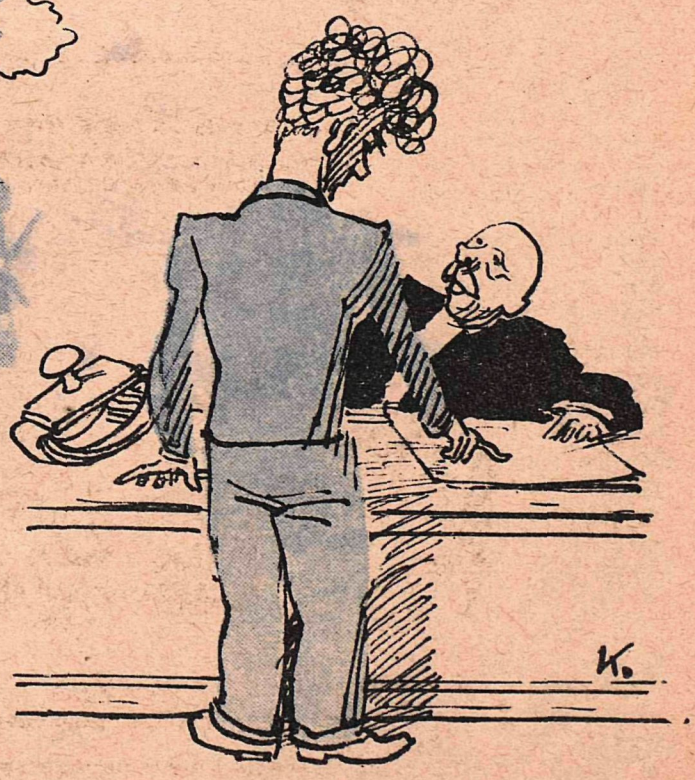
По форме правильно...



А по существу — издевательство.

НОЧЬ ПЕРЕД СУДОМ

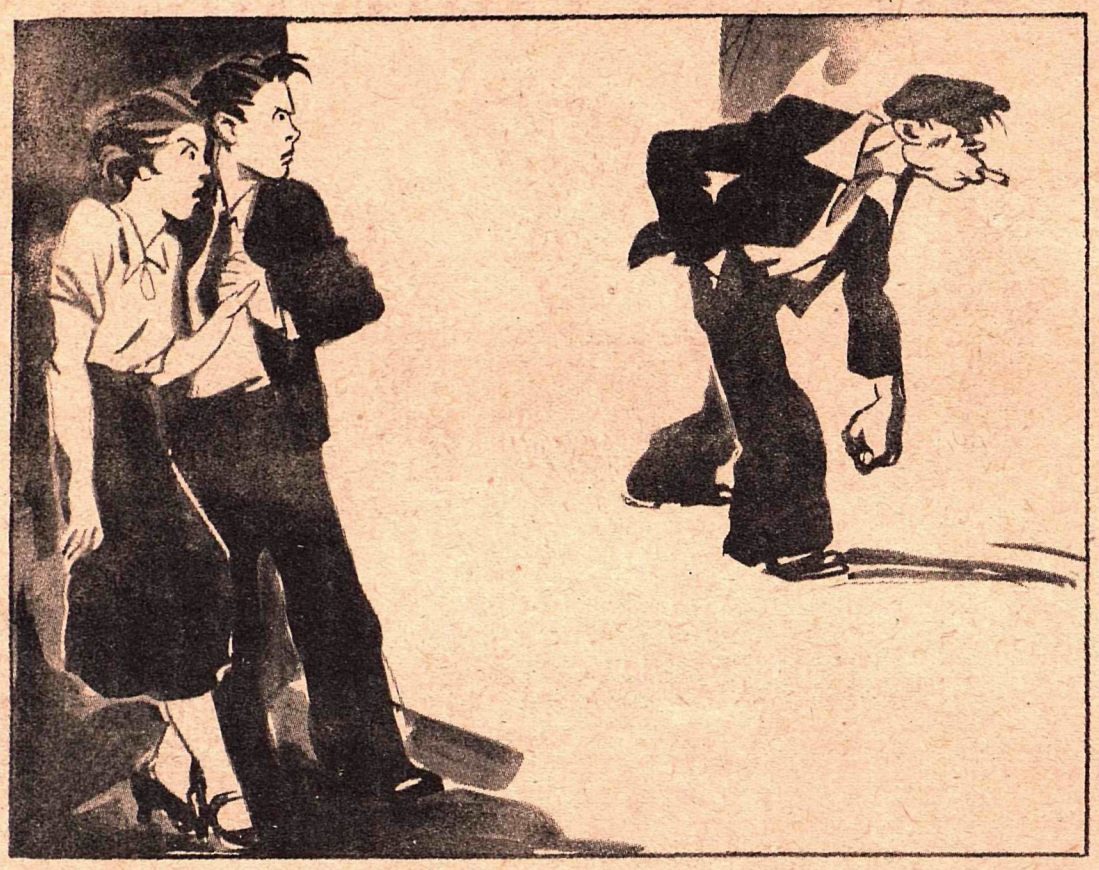
— Ты что здесь делаешь? На воду плюешь?
— Нет. На производство. Я в ночной смене.



— А на что пошли эти 330 тысяч?
— На содержание работников, заменяющих получивших отпуск без содержания.

И ТАК БЫВАЕТ

Рис. А. Баженова



— У этого хулигана нашлись смягчающие обстоятельства.
— Какие?
— Мягкий судья.

Возмездие

Гордился я своею новой песней —
Законно ликованье творца!—
Казалось мне, что нет ее чудесней,
Ее хотел я слушать без конца.

Знакомое я выбрал содержанье,
Чтоб обеспечить песенке тираж:
Любовь, измена, море, расставанье
И утомленный солнечный пейзаж.

Каких чудес не встретишь в этом мире?
Непостижим случайности закон...
Под новый год сосед мой по квартире
Купил жене в подарок патефон.

Счастливый, он принес покупку с рынка
И пригласил, как водится, гостей.
Имелась у него одна пластинка —
Одна пластинка с песенкой моей!

Растроганный, внимал я нежным нотам —
Перегородка тонкая у нас! —
Какое счастье автору! Чего там...
Слезинка даже капнула из глаз.

Так час прошел. Другой. И даже третий.
За стенкой песня длилась без конца.
Уж наизусть ее пищали дети
Под управленьем самого отца.

И так пошло: с утра до поздней ночи
Не умолкал зловещий аппарат.
Я заболел. Пришлось лечиться в Сочи,
Потом сменять Москву на Ленинград.

Но по пятам за мною наказанье:
Куда я ни пускаюся в вояж,
Везде: измена, море, расставанье
И утомленный солнечный пейзаж!

Ян САШИН

Пропавшая привычка

ЭТО было в пивной. В обыкновенной переполненной пивной, в которой было шумно, тесно и накурено, в которой было жарко, в которой, помимо пива, не менее бойко шла торговля водкой и вином, в которой... Словом, это было в пивной, каких много и которые похожи одна на другую, как два выпивших близнеца.

В самой середине этой пивной сидел пожилой гражданин, и перед ним на мраморном столике, вызывая всеобщее удивление, стоял... стакан молока.

Этот стакан молока так не гармонировал с окружающей обстановкой и выглядел так необыкновенно сиротливо и одиноко, как выглядел бы стакан водки за утренним завтраком в детском туберкулезном диспансере.

И каждый входящий и выходящий, замечая этот разрыв формы и содержания, невольно останавливался и удивленно пожимал плечами. Пожилой же гражданин, не обращая никакого внимания на эффект, который вызывало его молоко, спокойно сидел и пил его маленькими глотками, закусывая копченой колбасой. Когда же, выпив свой стакан молока до дна, он постучал по столу и громко сказал подбежавшему официанту: «Еще стаканчик!» — многие из присутствующих не выдержали столь высокого напряжения любопытства, которое их мучило, и, подойдя к этому пожилому гражданину, начали деликатно забрасывать его вопросами: молоко это или какой-нибудь новый алкогольный напиток; если это напиток, то как он называется и сколько в нем градусов; а если это молоко, то как оно в пивную попало; а если оно в пивную попало, то, поскольку обстановка не подходящая к столь нежному и питательному напитку, то не лучше ли его «на вынос» брать, чем «распивочно» им пользоваться?

Выслушав все эти вопросы пожилой гражданин грустно улыбнулся, потребовал: «Еще стаканчик!» — и, выпив его залпом, крякнул, понюхал корочку черного хлеба и начал рассказывать:

— Я вполне понимаю, дорогие граждане, и ваше удивление и ваше жгучее любопытство. Будучи от природы человеком нескрытным, я вам все расскажу и рассею в ваших головах и то и другое. Всю свою сознательную жизнь я был пьющим. Пил я много и акуратно. И хотя на моей работе это не сказывалось, так как я пил по вечерам и к утру всегда был «ни в одном глазу», но тем не менее это до чрезвычайности не нравилось моей жене. И чего, чего только она не делала, чтоб отучить меня от этой распространенной привычки! Вплоть до гипнотизера. Но и эта внушительная наука оказалась бессильной. Каждый вечер у меня начинало сосать «под ложечкой» и я падал в об'ятия Бахуса. Но вот однажды вечером, когда я в своем «ненормальном состоянии» возвращался домой, набрасывается на меня в нашем дворе какая-то жучка и, очень сильно кусанув за икру, убегает, а на ее место прибегает жена и кричит, что меня укусила бешеная собака и что немедленно требуется делать прививки от бешенства. Не желая рисковать, я соглашаюсь и еду вместе с женой в Пастеровский институт. Там мне начинают делать прививки и категорически предупреждают, чтоб я немедленно бросил пить на срок не менее шести месяцев, иначе никакой ответственности, что я лично не взбешусь, они не несут. И представьте, дорогие граждане, это предупреждение так на меня действует, что я с большим трудом бросаю пить. Не пью месяц, не пью два, не пью три. Тоскливо считаю дни, когда кончится мое непьющее положение и можно будет опять «чикалдыкнуть», не рискуя взбеситься. И вот наступает день освобождения из лап трезвости. Иду... да что иду, лечу в эту самую пивную, заказываю все, что полагается, и вдруг с ужасом замечаю, что пить не могу. Не идет! Формально, так сказать, хочется, а нутро не берет. Отвык. Я и так, я и эдак, не идет и все! Печально возвращаюсь домой. Жена смеется, радуется и на радостях рассказывает, что покусавшая меня жучка оказалась не бешеной, а, наоборот, совершенно нормальной собачонкой, которая до сих пор бегает по нашему двору. — «Почему же, спрашиваю, вы мне сразу об этом не сказали? Зачем же я прививки делал и полгода трезвым ходил?» — А жена отвечает: — «Я нарочно это от вас скрывала. Чтобы вы, хотя бы полгода, под страхом взбеситься, не пили. А раз это у вас совсем пропало, то я вдвойне довольна».

Ну, что тут долго рассказывать, не пьется — и точка. Опять к гипнотизеру ходил, к которому в свое время меня жена водила. Думал, ежели он тогда меня пить не отучил, то, может быть, теперь в обратном смысле поможет? Отказался гипнотизер. «Я,— говорит,— только хорошее внушаю».

Но любовь к обстановке, в которой я многие годы проводил, у меня, слава богу, не пропала. Люблю в пивной посидеть. Администрация, по старому знакомству, пошла мне навстречу: берут у меня бутылочку молока, которое я с собой приношу и к которому я, как перестал пить, очень пристрастился, и подают мне по стаканчику. Вот и вся история, дорогие товарищи!..

Пожилой гражданин вздохнул и замолчал. Слушавшие эту печальную историю медленно отошли от столика. Многие плакали.

Поздно вечером из пивной вышел совершенно трезвый пожилой гражданин и пошел вдоль улицы, тихонечко напевая: «Бывали дни веселые...»

Яков РУДИН

Душа общества

БОЛЬШОЙ белый красивый пароход отвалил от пристани часа в три дня. Большинство пассажиров имело билеты на весь рейс: вниз—по одной реке, затем вверх—по другой, потом от устья третьей реки—почти до самых истоков и, наконец, обратно.

Уже в первый вечер пассажиры относились друг к другу вполне благодушно. А на другой день, когда солнце заходило на левом, луговом берегу, щедро освещая все вокруг и суля это делать еще с добрых полчаса, а ласковый низкий берег с левой стороны и крутой суровый берег справа медленно, но чрезвычайно доброжелательно надвигались на пароход, как бы понимая, что они являются той панорамой, цена которой входит в биле.,— в это прелестное время суток пассажиры собрались на носу, в буфете парохода, уже компанией добрых приятелей. Они угощали друг друга яствами, захваченными с собою из недоверия к пароходному меню. Женщины дружным хором осуждали тех кривляк, которые полагают, что на пароходе нужно ежедневно менять туалеты. Мужчины осторожно сообщали друг другу о том, где работают и какие интересные казусы случались с ними в последнее время. Словом, все шло совершенно обычно.

Громче всех смеялся, веселее всех шутил, занятнее всех рассказывал один пассажир в украинской шитой рубашке, которая была ему несколько широка. Из ворота с затейливым узором высовывалась желтая худая шея, на которой вены, складки и мускулы переплелись в этакий своеобразный узел. А поверх шеи быстро двигались во все стороны востроносое лицо и лысеющий лоб. Этот пассажир сразу же стал душой общества.

По правде говоря, никто и не ждал, что он окажется таким, судя по его внешности, но он оказался.

— Мария Степановна,— гремел он на все помещение ресторана,— я вам советую взять у Анны Алексеевны ее пышки, потому что Анна Алексеевна боится потолстеть, а вы боитесь похудеть.

Все вокруг смеялись этой шутке, а «душа общества» не унимался:

— Эй, доктор, доктор, куда вы ушли? Уж не за женой ли Александра Васильевича? Смотрите, Александр Васильевич, пока вы доедаете восьмую котлету, вы можете остаться холостым...

Ну и так далее. Кто же не знает подобного рода шуток в домах отдыха и на пароходах?.. Впрочем, худой «душа общества» не только шутил. Выбрав минуту всеобщей тишины, он произнес прочувствованно:

— Как приятно, товарищи, что у нас подобралась такая хорошая компания. Компания— это все. В особенности после службы. Вы не можете себе представить, в атмосфере каких склок приходится работать. У нас в об'единении такая публика, такая публика... Ну, что вам говорить! Достаточно того, что лично я четыре раза вызывался в контрольные органы по четырем разным делам, пять раз — в нарсуд, и еще прикиньте от семи до восьми разных комиссий и ревизий.

Все сочувственно зацыркали. А «душа общества» опять пошел шутить и увеселять всех присутствующих.

Шутил он еще часа полтора кряду. А через полтора часа в буфет вошел старший помощник капитана и, обратившись к человеку, который сидел за одним столиком с «душой общества», сказал:

— Как будто вы просили меня дать трехместную каюту?.. На ближайшей пристани освобождается трехместная каюта. Если угодно, можете доплатить и перейти.

— Большое спасибо...— только и успел произнести человек, сидевший с «душой общества», потому что «душа общества», мгновенно позеленев, обратился к помощнику капитана:

— Почему, собственно говоря, вы предлагаете данную каюту данному товарищу? Откуда такое предпочтение?

Старший помощник резонно возразил:

— Товарищ едет с женой и ребенком, а занимает двухместную каюту. Поэтому они заявили еще раньше, что хотят перейти...

— Это, понимаете, не разговор: кто успел вам заявить, а кто не успел. Раз у вас имеется возможность улучшить условия жизни пассажиров, то тут, понимаете, надо подходить со всей серьезностью. Например я имею справку о том, что мне нужен свежий воздух...

— Чего, чего, а воздуха у нас достаточно,— улыбнулся старший помощник,— к тому же вы едете вдвоем, и каюта у вас двухместная.

— Давайте, знаете, не будем друг друга учить, какой у кого воздух и какая каюта. Факт остается фактом: поступила в распределение трехместная каюта. Я требую, чтобы она была отдана мне... Где капитан?

— Капитан сейчас отдыхает.

— Ну, вот видите. Пароход идет полным ходом, а капитан изволит дрыхнуть. Жалобная книга у вас есть?

— Жалобная книга есть. А капитан становится на вахту ночью.

— Не знаю, не знаю. Ночью все спят, проверять вашего капитана некому, стоит он на вахте или опять спит, как сурок. Я вас, кажется, спросил про жалобную книгу?

— Пожалуйста, жалобная книга у меня...

— Ведите меня к этой книге!

Когда старший помощник и «душа общества» были уже у дверей ресторана, вошла нарядная горничная в белом переднике и, наклонившись к одной из пассажирок, что-то сказала ей на ухо.

«Душа общества» остановился.

— Что, что?— переспросил он горничную.— Громче говорите. Эти, знаете, секреты неуместны...

Горничная смутилась и пробормотала:

— Да что вы, товарищ! Я вот говорю гражданке, что ванна для нее готова.

— Ага! Значит, для нее ванна готова, а я ходи грязный? Так, по-вашему? Нет, дорогая моя, я вот сейчас только напишу, что я думаю о вашем пароходе в жалобную книгу, а потом приду в ванную, и если окажется, что кто-то уже занял эту ванну, то я вам не завидую...

— Да я вам другую приготовлю. У нас ведь несколько ванн.

— Знаю я, как вы приготовите другую ванну. В другой ванне, небось, грязь пяти поколений пассажиров.

— А почему вы так думаете?

— Потому и думаю, что я все это знаю. Разрешите пройти!

Никто уже больше не смеялся. Никто не пел песен. Все как-то тихо вздыхали и боялись встречаться глазами друг с другом.

...Перед началом обратного рейса на пароход сели новые люди, разбавившие ту компанию, которая выехала с места отправления. Когда новые пассажиры вошли в помещение ресторана, все столики были заняты, один только «душа общества» сидел в единственном числе у большого стола на восемь персон. Естественно, что новые пассажиры подсели к нему. Разговорились. Строго осудив пароходные порядки и пожурив пейзаж за некоторое однообразие, «душа общества» нагнулся к середине стола и сказал вполголоса:

— Но вообще я так рад вашему появлению... Вы знаете, на отдыхе компания — это первое дело. И я так влип в этом смысле, вы не можете себе представить. Поверите ли, жалобную книгу мне пришлось требовать двадцать четыре раза. С капитаном и со старшим помощником я уже не раскланиваюсь семь дней. А что касается этих вот, с позволения сказать, пассажиров, то здесь такая публика... Конечно, главным образом об этом будем говорить в Москве. Я уже написал несколько заявлений. Например вот этот доктор... Я еще не совсем проверил, но, кажется, он ворует салфетки и простыни, а его жена такое себе позволяет, что это даже неподсудно народному суду, а надо прямо во вторую инстанцию. Ну, и еще есть супчики. Вот этот лысый незаконно, понимаете ли, занял чужую трехместную каюту. Вот эта вот дама, на вид ей 62 года, а между тем она только и думает, кого бы соблазнить и обокрасть...

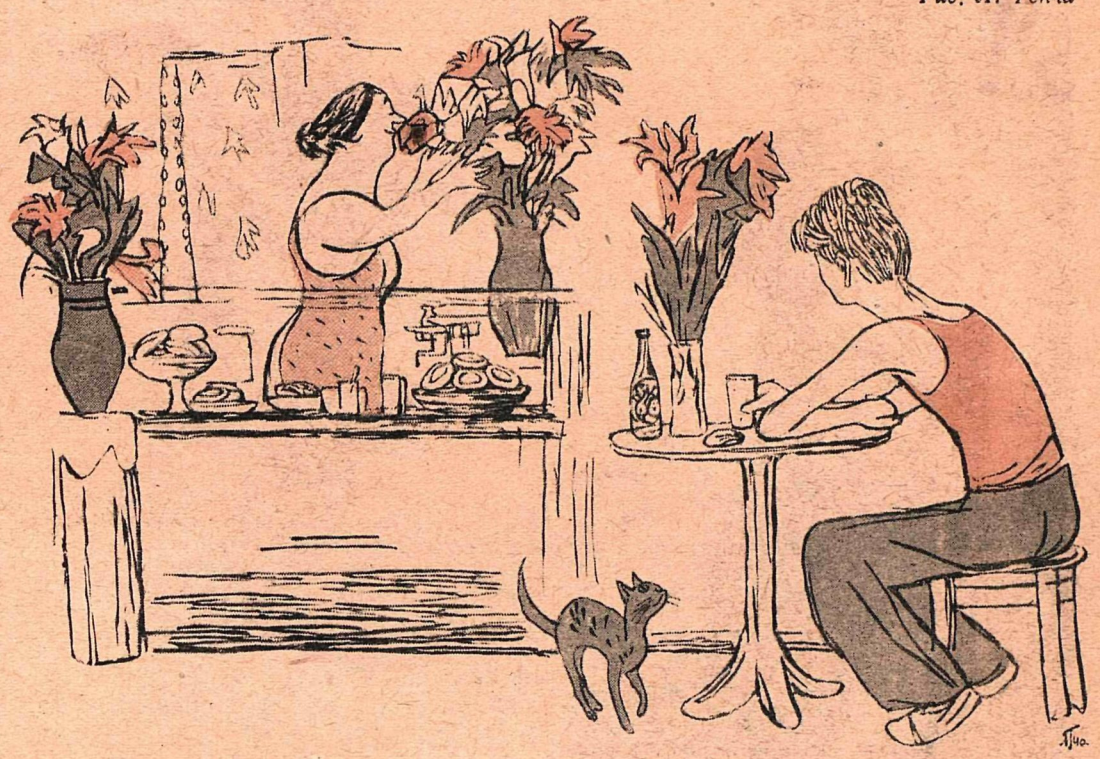
А на другой день «душа общества» сидел опять один за столиком. Рядом с прибором у него лежал листок бумаги. Он стучал ножом по тарелке и говорил:

— Товарищ официант, почему я должен звать вас семьдесят семь раз кряду? Мне не нужно вашего супа, я не о супе спрашиваю. Подойдите сюда! Наклонитесь. Вы не знаете, как фамилия этого вот, с бородкой, который сел вчера? Да вы не орите, вы шопотом отвечайте. Пожалуйста, узнайте, как его фамилия, потому что мне это нужно для одного чрезвычайно важного документа. Понятно?..

В. АРДОВ

СВОЙ УГОЛОК Я УБРАЛА ЦВЕТАМИ

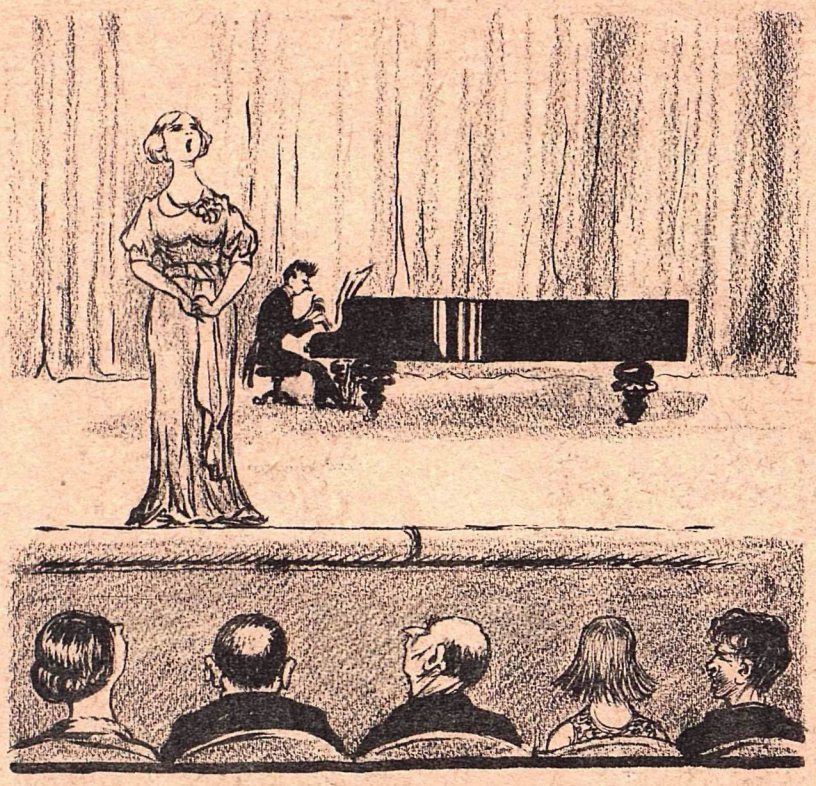
Рис. Л. Генча



— Эти цветы для буфета я достала в нашем совхозном саду.

— А почему заодно вы ничего не достали для буфета из совхозного огорода?

Рис. В. Васильева



— Стойкая певица: третий год поет романс о расставании, а расстаться с ним никак не хочет.

Резкая перемена

КАК-ТО раз я и мой сосед по даче доктор Отрезков сидели на скамеечке под тенью застывших без движения сосен. Было душно, собиралась гроза. Хотелось думать и говорить о чем-нибудь самом холодном.

— Вот сейчас мы с вами томимся здесь от зноя,— сказал я.— А представьте это самое место, эту скамейку в декабре. Всюду бело, всюду холодный снег. На деревьях, на земле, на скамье холодный снег! Замечательно!.. Белый, холодный снег!.. Можно взять горсть и прижать к лицу...

— Да-а...— вздохнул доктор, отирая платком бритую голову.— Жаль только, что между летом и зимой неизбежна осень с ее атрибутами: слякотью, дождем, гриппами...

— Может быть, впоследствии,— предположил я,— люди придумают способ совершенно ее аннулировать. Сегодня, скажем, будет жара, лето, а завтра — хлоп! — двадцать градусов ниже ноля и снег.

— Э, нет,— живо отозвался доктор.— Так нельзя. Это было бы катастрофой: наши легкие не вынесли бы такой резкой температурной перемены. Постепенное похолодание позволяет организму исподволь приспособиться, так сказать, огрубеть и закалиться. Иначе плохо. Да вот слушайте, приведу вам случай из своей практики. Вызывают недавно к больному. Пациент — по виду здоровый, крепкий мужчина, лет сорока пяти,— представьте, молча лежит и весь трясется в глубочайшем нервном пароксизме. Жена чуть не плачет. Спрашиваю: «Что случилось, давно ли это с ним, с чего началось?» Жена разводит руками, ничего не может об'яснить. «С утра,— говорит,— пошел, как всегда, по делам, а вернулся — и вот сами видите...» Осмотрел больного — ничего. Налицо только сильное нервное потрясение. Нерв—аппарат тонкий, хрупкий, с ними нужно осторожно. Очевидно, его где-то сильно тряхануло. Ну, прописал, что нужно, всякие успокоительные, хорошую дозу кали бромати, велел подержать в постели. На следующий день заглянул пораньше. Признаться, не терпелось установить причину заболевания. Прихожу. Пациенту значительно лучше. Уже может разговаривать, хотя глаза еще как-то странно вытаращены. Да-с. И вот он рассказал, как было дело.

Доктор опять завозился с платком. На этот раз, отерев шею, он запустил платок глубоко за ворот.

— Да-с,— продолжал он, окончив операцию.— Оказывается, произошло приблизительно то самое, что вы говорили насчет лета и зимы. Приходит пациент в одно учреждение, и вдруг страшный, неожиданно резкий скачок, совершенно непредвиденный и не подготовленный исподволь. Заметьте, произошло это в самом обычном канцелярском учреждении, каких десятки, с комнатами, столами, завами, заместителями, секретарями и полным невниманием к людям. Первое, что показалось ошеломляюще странным: в пустом коридоре, где ему случалось не раз и прежде топтаться на ногах за отсутствием хотя бы деревянной некрашеной скамейки, вдруг появились стулья вдоль стены и даже мягкий диван. Просто галлюцинация, мираж! Он попробовал осторожно сесть на стул — нет, самый настоящий! Он машинально поглядел сквозь открытую дверь на то место за столом, где обычно никого нет. И что же? Сидит! Понимаете ли вы его волнение? Сидит за столом человек! Мало того, что сидит, но вдруг, заметив его, быстро встает и выходит в коридор и прямо к нему с вопросом:

— Вы ко мне?

Пациент утверждает, что от полной неожиданности у него перехватило горло и по спине забегали мурашки. Затем совсем непроизвольно он пробормотал в ответ:

— Не беспокойтесь, я подожду...

Но человек предупредительно пригласил пройти в комнату.

— К вашим услугам,— сказал он.— Сейчас как раз приемные часы...

По признанию пациента, упоминание о приемных часах хлестнуло словно бичом. Перед глазами завертелись зеленые шары.

— Мне, собственно, к директору, записаться к нему на прием...

— Пожалуйста, я вас сейчас к нему проведу. Он принимает без записи.

— Что-о?— заорал мой пациент, как человек, получивший незаслуженное оскорбление.

Тогда служащий, не говоря ни слова, открывает дверь в кабинет и прямо сует туда голову:

— Егор Петрович, к вам посетитель.

— Пусть войдет. Давайте его сюда...

И тут мой пациент окончательно сдал. Его кинуло сперва в жар, затем в холод, после чего начало мутить и трясти. Не помнит, что было дальше и как вернулся домой. И заметьте, он именно так, совершенно правильно и об'ясняет причину. «Десять лет,— говорит,— имею дело с учреждениями, привык,— говорит,— всегда встречать одно и то же. А тут вдруг такая резкая перемена. Ну, и не выдержал организм: расперло,— говорит,— меня изнутри, всего переворотило!..»

— Хорошо,— согласился я с доктором,— пусть осень остается. Но теперь меня уже интересует, доктор, другое: адрес этого учреждения! Адрес!!

— Э, нет! — засмеялся доктор.— Адреса не дам. А вдруг он и на вас подействует столь же эффективно или еще сильнее? Что тогда?

— По крайней мере, как же об'яснить самый факт этой неожиданной перемены в учреждении?

— Кто их разберет! Пациент говорил, что будто бы тамошний директор чуть ли не до полного отравления об'елся бюрократизмом, после чего, получив выговор, решил резко изменить порядки.

Вдали послышался первый удар грома. Быстро темнело. Мы поспешили домой.

Ив. ПРУТКОВ

●

Туристы поневоле

Раннее утро. Солнце еще купается в море, золотя верхушки прибрежных кипарисов и крышу уютного белого коттеджа с гостеприимной надписью «Алуштинский дом туристов». Всё спит. Не спится лишь в. и. о. директора тов. Базарджи. Он сидит на краю постели, свесив босые ноги, и мрачно думает. Воспоминание о вчерашнем происшествии вызывает на его лице благородную краску гнева и стыда.

Причиной столь сложных психологических переживаний явился дерзкий отказ одной пожилой туристки отправиться с экскурсией в Хоросан. Тов. Базарджи совместно со всем своим штатом, включая двух поваров, в течение получаса безуспешно уговаривал женщину присоединиться к экскурсии.

— Поймите,— вкрадчиво под'езжал директор,— поймите, закалиться вы можете только организованно.

Но эта седая женщина была удивительно упрямой. Пришлось сдаться перед ее доводами. И только теперь понял Базарджи, какую он сделал ошибку и к каким ужасным последствиям она может привести:

1. Полному упадку дисциплины туристов.

2. Неминуемому падению авторитета директора.

3. Срыву постановления ВЦСПС о туризме.

Надо было немедленно ликвидировать вчерашний промах. Спасительная мысль осенила тов. Базарджи. Он сел за стол и начал писать.

Утром изумленные туристы читали грозное оповещение:

Приказ № 79

по Алуштинскому дому туристов от 27 июля 1940 г.

За последнее время участились случаи отказа туристами посещения экскурсий, указанных в их маршрутах.

Предупреждаю всех туристов, что непосещение экскурсий является нарушением правил внутреннего распорядка и повлечет за собой исключение из Дома туристов раньше срока.

В. и. о. директора Базарджи.

Приказ подействовал. Зайдите сейчас в Дом туристов, и вы услышите уверенный, посвежевший голос директора. Он зовет туристов на гидрологическую (или какую-нибудь иную) экскурсию.

Туристы знают, что вот уж в какой раз им придется разглядывать медуз и моллюсков. Но теперь они идут все: старые и молодые, больные и здоровые. И правильно. Прежде всего — порядок.

С. ШТЕИН

ГОТОВЫ НА ЖЕРТВЫ

Рис. Ю. Ганфа

— Сообщите, сэр, что мы потеряли всего двух человек. Остальные 250—негры.

В ВИШИ

Рис. Бор. Ефимова

— Предадим суду этих виновников поражения, пока они не догадались то же самое сделать с нами.

НАРСУДЬЯ ТИПА МИТРОФАНУШКИ

Ну, конечно же, граждане читатели помнят недоросля Митрофанушку у Фонвизина, каковой Митрофанушка географии учить не хотел, а мамаша его, госпожа Простакова, поддерживала его в том убеждении, что по нынешним временам география — наука никчемная. Так вот, народный судья 2-го участка, Заднепровского района, Смоленской области, Усов целиком и полностью присоединяется к недорослю Митрофанушке: народный судья до такой степени чужд географии, что, получивши бумагу из Починковского района, той же, Смоленской области, с просьбой взыскать с некоего гражданина деньги в доход республики, послал ответ:

«Нарсуд 2-го участка, Заднепровского района, гор. Смоленска, возвращает Вам исполнительный лист по делу № 2579 для указания, какой республике перечислять взысканные деньги 24 руб., т. к. в СССР имеются 11 республик.

Нарсудья Усов
Секретарь Киселева».

Мы не будем говорить о том, что республик в Советском Союзе не 11, а больше. Удивительно, что догадливый судья ограничивается советскими республиками. Что бы ему предложить перечислить деньги в доход республики Гондурас, Венецуелы или Либерии? Раз человек презирает географию и здравый смысл, все может быть!

СПОРТИВНО-КОММЕРЧЕСКАЯ НОВОСТЬ

Факт таков.

В январе крымский совет добровольного спортивного общества «Буревестник» проводил соревнования по штанге. Первенство Крыма по обществу взяла ялтинская команда штангистов, за что и была премирована переходящим призом крымского совета — часами (стоимостью в сто шестьдесят пять рублей 60 копеек). В конце первого квартала крымский совет пред'явил счет ялтинскому совету за врученный уже приз.

Теперь попробуем сделать выводы. Может быть, это правильно? Если так, тогда любая сделка, которая юридически называется «куплей-продажей», есть премирование. Значит, каждый продавец премирует покупателя. Если эта точка зрения восторжествует, никогда нельзя будет добиться того, чтобы продавцы вежливо обращались с покупателями.

Однако перейдем к крымскому факту. Допустим, что ялтинская команда утратит полученный приз. Должна ли она в таком случае требовать деньги с той команды, куда перейдут часы? И еще: вправе ли команда, которая получит часы, взыскивать с ялтинской команды за амортизацию часов? И еще: понимают ли деятели крымского республиканского совета спортивного общества «Буревестник», какую глупость они сделали?

Мастера смеха

НЕДАВНО состоялось выступление доселе малоизвестного гражданина Вердникова, в один вечер завоевавшего симпатии присутствовавшей на вечере публики. Каждая реплика гражданина Вердникова вызывала в аудитории дружный гомерический смех.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Из газетных рецензий мы знаем, что не всегда удается рассмешить зрителей даже таким признанным мастерам смеха, как Владимир Хенкин, Леонид Утесов и Игорь Ильинский. Мы не говорим уже о том, что эти мастера выступают в более благоприятных условиях чем гражданин Вердников.

Как работает, скажем, Леонид Утесов?

Работает он обычно в каком-нибудь эстрадном театре. В театре сидят зрители, пришедшие сюда со специальной целью отдохнуть после работы. Такого зрителя рассмешить — пустяки.

Гораздо труднее пришлось гражданину Вердникову. Выступал он не в театре, а в деловом кабинете. Перед ним были не отдыхающие зрители, а хозяйственный актив одного завода во главе с его директором. Тут же представители партийной и профсоюзной организаций завода — люди серьезные и к пустому смеху отнюдь не предрасположенные.

Чем добивается успеха у зрителей Леонид Утесов?

Мастерским исполнением джаз-оркестра, шутками, песнями.

Иной репертуар у гражданина Вердникова. Он не музыкант, не куплетист, не певец. Больше того: он даже не член союза Рабис и никакой театральной подготовки не получал. И все же он может быть назван мастером разговорного жанра.

Аудитория, повторяем, трудная и неблагодарная, сразу оценила талант Вердникова. Его рассказ «Как я надул Ижорский завод» так понравился хозяйственному активу, что в зале не осталось ни одного не смеявшегося человека.

Это был не анекдот о том, как частный купец всучил покупателю негодную машину. Это был яркий, убедительный, остроумный рассказ о том, как руководитель группы ответственных заказов большого социалистического предприятия гражданин Вердников, изготовив для другого социалистического предприятия, Ижорского завода, плохой поворотный кран, вышел с честью из тяжелого положения, доказав «Ижорскому заводу, что виноваты не мы, а они!» (цитируем по стенограмме). Скучная тема, которую вряд ли выбрал бы для себя самый крупный эстрадный актер, превратилась в руках Вердникова в блестящее по форме произведение. Смеху в зале не было конца. Вечер прошел в приподнятом настроении.

Судьба нового мастера смеха, мгновенно завоевавшего себе славу, предопределена. Мы не сомневаемся, что на ближайшем хозяйственном активе Вердников в не менее остроумной форме расскажет, как он неоднократно пытался обмануть заводской технический контроль, как он, не щадя энергии, добивается выпуска бракованной продукции. И многое, многое другое из своего неисчерпаемого репертуара расскажет Вердников.

Судя по первому выступлению, мастеру смеха и на следующих собраниях заводского хозактива обеспечен успех. Но, как говорится, на вкус и цвет товарища нет. Лично нам не нравится разговорный жанр Вердникова.

А что касается его действий, то не кажется ли вам, что от них за версту несет острым антигосударственным душком?

Н. ВИНОГРАДОВ

Ленинград.

Хулиганы

ВСТРЕЧА С «ГЕРОЕМ»

— Подсудимый, встаньте!

Он поднимается с места — хмурый, обросший щетиной, с недобрым взглядом и с неловкостью в движениях. Смирение тягостно ему и непривычно. Чорт его знает, куда девать сейчас руки, такие умелые в соприкосновении с чьим-нибудь лицом! И на каком таком языке из'ясняться, когда наиболее выразительные словеса суть один из поводов его появления перед судейским столом?!

Его лицо доступно для всеобщего обозрения.

Вот он в натуральном виде, как есть, давний об'ект сатиры. Живая тема в измятых брюках и грязной рубашке. Знаменитый! «Герой» множества статей, фельетонов, стихов. Многофамильный, многоименный. Но в общем однообразный. Такой, что хочется навсегда с ним расстаться, «чтоб об этом больше никогда не писать». Что ж, сатирические стрелы смогли лишь ранить его, оставить следы на заскоруэлой коже. Грозная сила закона добивает его навсегда.

ВЫПИВШИ, ВЫПИМШИ...

Николай Филиппович Гудков принадлежит к числу тех индивидуумов, о которых в учебниках судебной медицины пишется в раэделе «Патологическое опьянение». Конечно, этот термин значительно солиднее чем, скажем, бытовой — «напился, как свинья». Суть, однако же, одна. Возможно, что какой-нибудь научный работник, сочиняя труд о действии алкоголя, напечатал бы среди прочих примеров и такой:

«Некто Гудков, 42 лет от роду, суб'ект мужского пола с брахицефалическим черепом, 17 августа 1940 года, в 8 часов 14 минут утра, находясь в состоянии алкания, подверг себя действию алкоголя, вследствие чего наступило омрачение сознания с последующим словоизвержением и расстройством координации движений».

Это звучало бы, по крайней мере, академически. Но в обвинительном заключении, оглашенном в дежурной камере народного суда Ростокинского района гор. Москвы, приключение Гудкова было изложено проще и убедительнее.

Именно 17 августа, именно утром, когда все честные люди спешат на работу, Гудков поспешил в пивную. Как говорится, невольно к этим берегам его влекла неведомая сила. Впрочем, ведомая: нежелание работать и желание пьянствовать, гулять, бесчинствовать. Что и было осуществлено целиком и полностью. Вплоть до угрозы разбить кирпичом голову продавщице, отказавшейся отпустить пьяному Гудкову пиво.

На вопросы судьи Гудков отвечает замысловато:

— Если и получился конфликт, то только по пьянке.

Именно в этом он видит оправдание своим бесчинствам. То и дело слышится его бормотание:

— Был выпивши... Дык что ж, если выпимши...

Более того: Гудков (да и не только он!) считает это свое «выпимши» чем-то даже успокаивающе-благородным по сравнению с оскорбительным «пьяный». Пьяный — это действительно плохо. Фи! То ли дело «выпимши». Не извольте тревожиться, гражданин судья, только «выпимши» — не больше!

А кирпич? А брань? А разнузданная, бесшабашная гульба, нарушение общественного порядка? Нет, «выпивши» — это состояние, быть может, представляет интерес для учебника судебной медицины. А в жизни оно отвратительно, как отвратительны поступки, совершаемые в этаком состоянии. Кстати, и приговор суда, по которому Гудков осужден на 3 года тюрьмы, поучительней глубокомысленных выводов наукообразных учебников.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

— Я думал, в шутку, а выходит, другое...

Так заявил на суде Иван Иванович Нетужилкин, приводившийся за кражу шерсти с производства, осужденный за прогул и сейчас стоящий перед судом за хулиганство.

Нетужилкин раздобыл бюллетень и по этому случаю выпил. Затем он стал искать развлечений. Манящей приманкой оказался нос соседа по двору—Воробьева. В отличие от других хулиганов, оправдывающихся пьянством, Нетужилкин ссылается на другое: он ткнул Воробьева в нос, а потом ударил в скулу не серьезно, а в шутку:

— Ну, как водится вообще...

И то, что суд принимает происшествие всерьез, крайне изумляет Нетужилкина. Какой чувствительный народ пошел! Ты его по-приятельски саданёшь, а тебе за это год тюрьмы дают! И не в шутку, а вполне всерьез. Что-то явно испортилось в этом мире! Эх!

И уже после об'явления приговора Нетужилкин, криво ухмыляясь, спрашивает судью:

— Так что же, значит, уже и пошутить нельзя?

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Из числа возможных способов выражения мысли Женька Дорцев выбрал наиболее портативный. Несмотря на молодость он обрел значительный опыт в максимальном уплотнении речи и ограничении ее несколькими, все заменяющими и все выражающими речениями. Любую мысль Дорцев научился выражать двумя—тремя звуковыми комплексами, изредка допуская при этом некоторые словесные комбинации. В особо важных случаях Дорцев даже проявлял лингвистические наклонности, поражая окружающих словообразованиями собственного изготовления.

Все эти обстоятельства сделали затруднительным об'яснение Дорцева с судом Сокольнического района Москвы. По непонятным причинам судья отказался выслушать Дорцева на языке многоточий. Поэтому Дорцев лишь отвечал на вопросы судьи кивками. Таким образом была наконец выяснена истинная картина дебоша в кино «Орион». Только один раз ответил Дорцев внятно. Когда судья спросил его, ругался ли он площадной бранью, Дорцев уловил в этом вопросе что-то бесконечно близкое, родное и бойко ответил:

— Может, и ругнулся!

Этот 19-летний парень, не имеющий определенных занятий, уже дважды судился за кражи. Теперь он приговорен к 1 году тюрьмы с поражением в правах на 3 года и с запрещением проживать в центральных городах Советского Союза в течение 5 лет.

Приговор прозвучал на ясном и недвусмысленном языке социалистического закона.

— Понятно? — спросил судья.

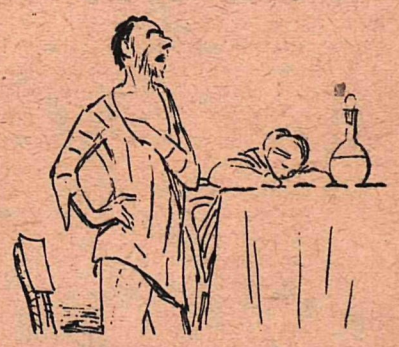
Женька Дорцев слабо шевельнул побелевшими губами.

А. ИЛЬИЧЕВ

— Ну, теперь и на нашу улицу вечером выходить можно...

— Утром дал в морду, а днем уже осудили... Безобразие!

Свидетельница защиты, заявившая судье: — Он выругался только один раз! Сама слышала.



— Так что же, значит, уже и пошутить нельзя?

Зарисовки Л. Сойфертиса

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал —1 р. 20 к. в месяц.

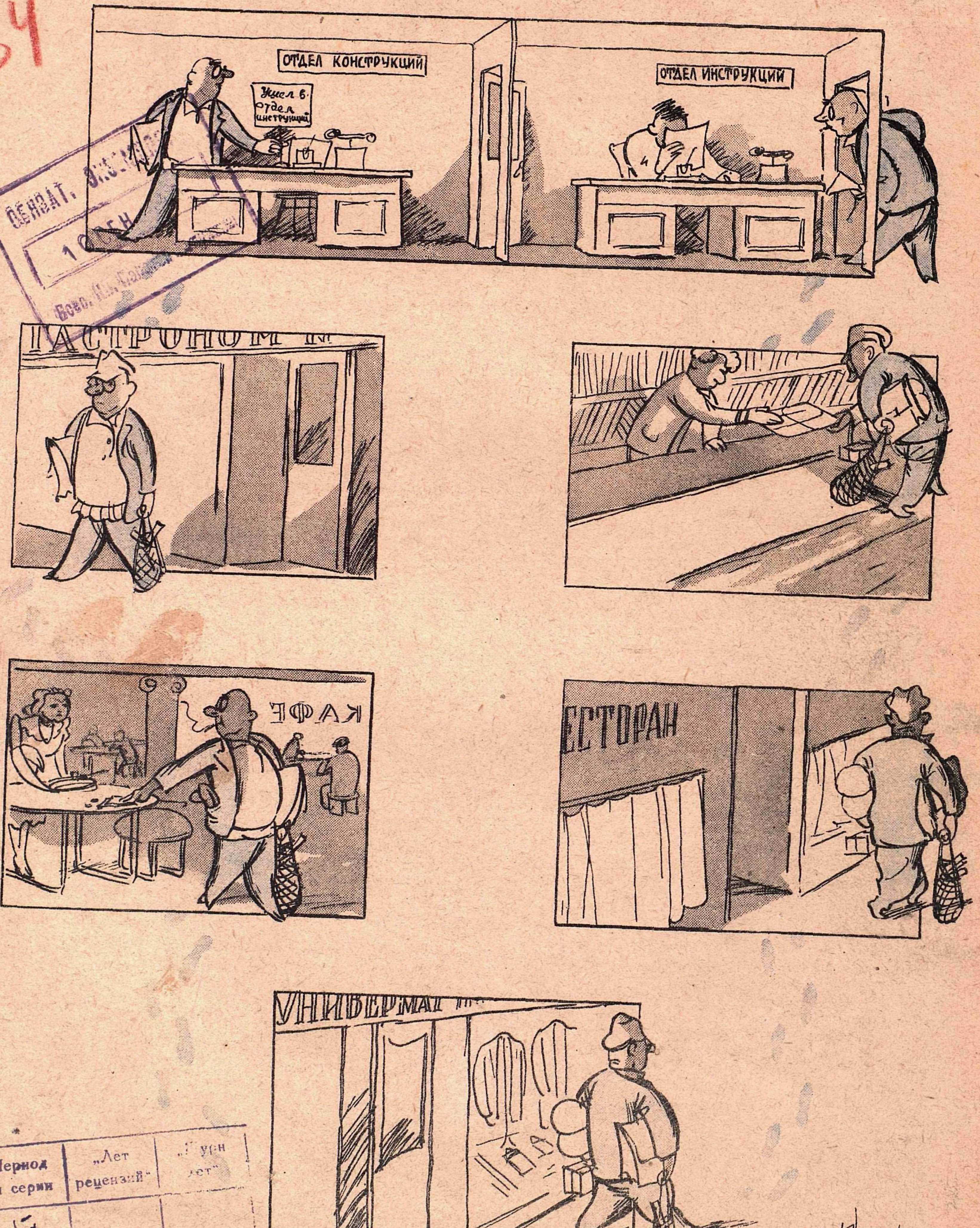
Изд-во „Правда"

Москва. Изд. № 930 Сдача текста и рисунков 27/VIII 1940 г. Подписано к печати 4/IX 1940 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А30993 Типография газ. „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 2884. Тираж 271 000 экз.

0
34
-1883 3

Рис. Б. Клинча



ФЕНОЛТ. ... 1 ... ФЕН

По делам службы.

	Период и серии	„Лет рецензий"	„Турн лет"
Получ. в ред.	11/IX		
Сдат	11/IX 12/IX		